

A
M 80

На правах рукописи

МОРОЗОВ Николай Алексеевич

ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956 гг.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета

Екатеринбург 2000

Работа выполнена на кафедре регионоведения Сыктывкарского государственного университета

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор	В.М. Кириллов
доктор исторических наук, профессор	В.П. Мотревич
доктор юридических наук, профессор	А.С. Смыкалин

Ведущее учреждение – Институт языка, истории и литературы
Коми научного центра Уральского отделения РАН

Защита состоится « 18 » апреля 2000 г. в 16⁰⁰ часов
на заседании диссертационного совета Д 063.78.02 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук
в Уральском государственном университете им. А.М.Горького
(620083, г. Екатеринбург, К-83, проспект Ленина, 51, комн. 248)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Уральского государственного университета.

Автореферат разослан « 17 » апреля 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного Совета
кандидат исторических наук,
профессор

Овчинникова Б.Б.

Общая характеристика работы. Изучение истории системы лагерей и спецпоселений (далее СЛС) в 1920-1950-х гг. представляет большой научный и практический интерес, поскольку позволяет выявить внутренние механизмы и структуры принудительного труда, его вклад в становление и развитие территориально-производственных комплексов российских регионов. Известно, что лагеря, колонии и спецпоселения создавались для решения конкретных экономических задач в тех районах, где были крупные запасы полезных ископаемых, леса и других природных богатств.

В то же время нет единой точки зрения на весь комплекс проблем, связанных с освоением СЛС новых территорий. Одни исследователи считают, что главным был результат, а не средства, с помощью которых этот результат достигался. Другие считают необходимым рассматривать проблему комплексно, учитывая все факторы, как объективные, так и субъективные. В отечественной исторической науке еще не раскрыта специфика дислокации и структуры СЛС как в целом по стране, так и по регионам, генезиса и функционирования лагерных производственных комплексов, типологии социальных групп лагерного (репрессированного) населения. Не решены некоторые источниковедческие проблемы.

С другой стороны, поскольку внешним оформлением сложившихся общественных отношений выступает государство, анализ истории репрессивных структур 20-50-х годов неизбежно связан с анализом государственной политики, смысловое пространство которой реализовалось через идеологию, которая, в свою очередь, была конкретизацией основной, главной, определяющей («руководящей») идеи, отраженной в соответствующих нормативных документах. Репрессивные структуры, таким образом, были способом реализации этой идеи, самовыражением некоторых специфических личных качеств лидера государства и создаваемой им карательной системы, которая в целом носила особый, режимный характер.

Режимный характер СЛС определялся прежде всего сверхконцентрацией власти для быстрой реализации государственной идеи и подавления любых (даже потенциальных) форм социального сопротивления. Разнообразные виды и формы этого насилия в западной историографии обычно именуют террором, а в отечественной литературе - репрессивной политикой или политикой массовых репрессий.

Режимная репрессивная система состояла из нескольких подсистем. Прежде всего это были органы госбезопасности (ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКГБ-МГБ-КГБ) и внутренних дел (НКВД-МВД),

милиции, суда и прокуратуры, которые обеспечивали или какой-то частью своей деятельности осуществляли политические репрессии. В недрах ОГПУ-НКВД основную тяжесть борьбы с «врагами народа» несли такие структуры, как Главное управление мест заключения (ГУМЗ, со 2.04.1930 г. - Главное управление трудовых лагерей и трудовых поселений, ГУЛАГ), Главное тюремное управление НКВД (с 1938 г.), 10-й (тюремный) отдел Главного управления госбезопасности НКВД, Переселенческий отдел (с 1940 г. - Главное переселенческое управление).

Актуализация исторического опыта, связанного с деятельностью СЛС оказалась востребованной в середине 1950-х-начале 1960-х гг. и в конце 80-х - начале 90-х годов, когда власть и общество осознали, что без восстановления исторической правды, социальной справедливости и ликвидации последствий массовых политических репрессий, произвола и беззакония, попрашки норм международного права, принципов гуманизма и прав человека невозможны реформы, моральное возрождение народа и построение основ правового демократического государства.

Особое значение для актуализации проблем истории репрессивной политики и СЛС имели законодательные акты 1989-1997 годов по вопросам реабилитации жертв политических репрессий. Большую работу по юридической оценке политических репрессий провела Комиссия по реабилитации при Президенте РФ под руководством академика А.Н. Яковлева. Главным результатом ее деятельности стал Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 г., который содержит важные юридические и политические формулировки, определяющие проблемное пространство предметной сферы анализа истории репрессивной политики.

Во исполнение Закона многие руководители российских регионов, общественные организации и отдельные лица приняли участие в создании региональных Книг Памяти жертв политических репрессий. Инициаторами этих проектов во многих случаях выступали региональные историко-просветительские и правозащитные общества «Мемориал». Так, 13.10.1997 г. Указом Главы Республики Коми Ю.А.Спиридонова «Об издании республиканского мартиролога «Покаяние»» для организации проведения поисковых работ и формирования рукописи мартиролога была сформирована общественная редколлегия, в состав которой вошли профессиональные историки, известные в республике общественные и политические деятели, бывшие репрессированные, представители Русской Православной Церкви.

Предмет данного исследования – история становления, функционирования и стагнации системы исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений в Коми автономной области-Коми АССР в 1929-1956 гг., процессы поэтапного создания и функционирования СЛС, в своих основных чертах отложившиеся в разнообразных источниках. *Объект исследования* - комплексы источников, характеризующие дислокацию, структуру, режим функционирования, качественный и количественный состав заключенных и спецпоселенцев, других категорий репрессированных, сосредоточенных в местах лишения или ограничения свободы, нормативную базу деятельности исправительно-трудовых учреждений.

Хронологически исследование охватывает рамки 1920-х - 1950-х годов, поскольку в Коми АО первые лагерные структуры появляются в 1929 г. (УСЕВЛОН), а в последующем они развились в систему с установившимися функциями и режимом работы. Изучение источников показало, что период 1929-1956 гг. охватывает самые важные и существенные стороны этого процесса. Начальная дата фиксирует переломный момент отката от новой экономической политики и перехода к политике форсированной индустриализации. В СЛС ему соответствовал переход от «соловецкой» модели режима содержания и «трудового использования» заключенных к модели ГУЛАГа (разделение пенитенциарной системы на две подсистемы – ИТЛ и ИТК, создание лагерно-производственного комплекса, быстрый перевод экспедиций / лагпунктов ОГПУ в ранг треста / ИТЛ и комбината / ИТЛ, ужесточение репрессивных сторон законодательства). Репрессии, связанные с раскулачиванием, имели своим следствием быстрый рост лагерных структур преимущественно в отдаленных северных и восточных районах страны.

Будучи неотъемлемой частью ГУЛАГа, СЛС в нашем регионе пережила этапы становления (1929-1938 гг.), реорганизации (1938-1948), дифференциации (1948-1953 гг.) и демонтажа (1953-1956 гг.). В 1930-х - 1940-х годах она приобрела законченный вид, в 1941-1953 гг. сложились лагерно-производственный комплекс в базовых отраслях промышленности Коми АССР, с 1953 г. вся система вступила в период стагнации и к середине 50-х гг. была поэтапно демонтирована.

Территориально исследование охватывает пределы теперешней Республики Коми, хотя некоторые подразделения ИТЛ находились в соседних областях (Северный железнодорожный, Котласский сельскохозяйственный, Воркуто-Печорский, Заполярный, Северное управление лагерей железнодорожного

строительства). Поскольку административно-территориальное устройство Северо-Востока Европейской части России в изучаемый период неоднократно менялось, мы употребляем термин **“Коми край”** как совокупность административно-территориальных единиц, которые располагались в непосредственной близости друг от друга, были населены главным образом коми (или же коми составляли там значительную часть жителей) и исторически были тесно связаны между собой.

В 1920-1930-х гг. европейский Север России стал естественным полигоном для отработки различных методов и моделей функционирования репрессивной государственной машины. Соловецкий лагерь особого назначения, Управление северных лагерей особого назначения, лагерь-стройка Беломоро-Балтийского канала, Вайгачская и Ухтинская комплексные экспедиции ОГПУ, Ухто-Печорский трест, а в 30-е годы Архангельские, Северо-Двинские, Карело-Мурманские, Вологодские, Ухто-Печорские, Воркуто-Интинские, Северные железнодорожные и Усть-Вымские лесные лагерные комплексы, сотни спецпоселков для многих десятков тысяч раскулаченных, высланных и ссыльных по политическим мотивам, сотни тысяч политзаключенных в лагерях, колониях, тюрьмах, закрытых научно-исследовательских центрах – вот что представляла собой система ГУЛАГа. Ее размеры, размах произведенных работ, масштабы реализованных и нереализованных проектов потрясают воображение.

Силами репрессированных по политическим мотивам осуществлялась продуманная и долговременная политика колонизации обширных территорий, освоения огромных запасов полезных ископаемых, лесозаготовок, промышленного и гражданского строительства. В результате кардинально преобразился облик Европейского Севера России. Наряду с Уралом, Колымой и Магаданом сложился третий по величине народно-хозяйственный комплекс страны. Такие глобальные и массовые социально-экономические процессы оставили неизгладимый след в историческом сознании народа, наложили свой отпечаток на многие стороны общественной жизни.

Коми край исторически был и остается частью российского Севера. На территории края общей площадью около 400 тыс. кв. км. в 1929-1956 гг. располагались 17 крупных лагерных структур, три лагеря для военнопленных, лагерь для интерприванных, несколько колоний, 46 спецпоселков раскулаченных, около 100 мест спецпоселений депортированных в 1940-41 и 1944-

1948 гг. жителей Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии, более 20 тюрем, около 100 спецкомендатур. По степени насыщенности лагерями, спецпоселениями, колониями и тюрьмами Коми край занимает особое место в общей системе ГУЛАГа. Наряду с Уральскими, Сибирскими, Колымскими и Казахстанскими лагерными комплексами здесь отмечена наиболее высокая концентрация репрессированных, которая порой превышала численность местного "вольнонаемного" населения.

Целью исследования является ретроспективный анализ СЛС в ее историческом развитии для выяснения ее особого характера и особого места в общей системе советского государства. Содержательной стороной является последовательное доказательство тезиса о режимном характере СЛС как специфическом способе формализации социально-политических отношений (произвол, насилие, массовые репрессии). В соответствии с этой целью сформулированы задачи исследования. Прежде всего необходимо определить степень изученности данной темы и дать характеристику массовых источников для определения их информационного потенциала, раскрыть возможности современной методики анализа комплексов документов (источников) применительно к поставленной цели исследования. Следующим шагом является выяснение основных особенностей генезиса и функционирования лагерно-производственных комплексов, общих тенденций развития СЛС в сочетании с региональными особенностями.

Поскольку история СЛС тесно связана с судьбами сотен тысяч репрессированных, важно провести анализ человеческой составляющей изучаемого феномена, изучить динамику численности репрессированных в Коми крае на протяжении четверти века (1929-1956 гг.) в сравнении с общегосударственными тенденциями, дать характеристику условий труда и жизни заключенных, проанализировать механизм репрессий в местах лишения или ограничения свободы, формы и способы сопротивления различных категорий репрессированных произволу лагерных и спецпоселенческих администраций.

Определение *методологической основы* исследования подсказывает сам предмет изучения. Лагеря, колонии, спецпоселения представляли собой сложноорганизованную систему с целым комплексом внутренних взаимоотношений и связей с внешней средой. При всех трудностях, связанных с категориальным определением системы, общепринятым является понимание ее как

упорядоченного множества взаимосвязанных элементов, обладающих структурой, определенным автономным и целенаправленным поведением. Такой подход позволяет понять СЛС как определенную целостность. При анализе источников использованы традиционные принципы и методы исторической науки, без которых невозможно историческое исследование. Это принципы историзма и научной объективности, синхронно-диахронный метод, методы сравнительно-исторического и комплексного анализа, необходимые при работе с источниками разного происхождения, с большими группами разнородных источников. В исследовании использованы также генетический, типологический, проблемно-хронологический методы анализа.

Под «системой ГУЛАГа» мы понимаем особую разновидность режимной системы, которая использовала формализованные технологичные упорядочения соподчиненных, конфликтных и неопределенных социально-политических отношений, иерархическую систему изоляции социально-опасных и «контрреволюционных» элементов, сложный административно-хозяйственный комплекс, занимающий особое положение в общей системе учреждений и экономике СССР в 1917-1953 гг. «Лагерная система» понимается как составная часть системы ГУЛАГа, лагерная структура – как совокупность лагерных подразделений с определенными видами производственно-хозяйственной деятельности, лагерная полиструктура – концентрационные и исправительно-трудовые лагеря (лаготделения, лагпункты, командировки, подкомандировки, спецточки), лагерная моноструктура – исправительно-трудовая колония с единой зоной и монопрофильным производством, составная часть ГУЛАГа, структурная единица пенитенциарной системы общего и усиленного (строгого) режимов (исправительно-трудовые, детские, лесные, сельскохозяйственные ИТК). «Спецпоселения» рассматриваются нами как система принудительного расселения репрессированных в определенных районах страны.

Термин «колонизация» употребляется для характеристики системы поселений заключенных, отбывающих или отбывших срок наказания, в местах лишения свободы с целью не допустить их возвращения к прежним местам жительства. Разновидностью трудовых поселений и политики колонизации была «трудармия» - военизированная форма принудительного труда определенных категорий советских граждан в 1941-1946 годах.

Степень научной разработанности проблемы. Для решения указанных задач исследования имеются как историкографические,

так и источниковедческие предпосылки. В нашем распоряжении имеется достаточно обширная литература, в научный оборот вводятся все новые серии документов, опубликованы воспоминания участников событий 20-50-х годов, происходивших в стране и регионе. Историческая наука в той ее части, которая была связана с анализом проблемы истории репрессивной политики и складывания СЛС, прошла ряд существенных этапов.

Первый этап историографии охватывает 1920-1928 гг. Вопреки распространенному мнению о приоритете Запада, первыми авторами в этой области были руководители карательных ведомств молодой РСФСР. В 1920 г. вышла из печати книга председателя ревтрибуналов РСФСР К.Х.Данишевского, в которой впервые упоминаются концентрационные лагеря в качестве места административной изоляции граждан. В 1923 г. вышла книга "Пениденциарное дело в 1922 году" - публикация отчета начальника Главного управления мест заключения НКВД Е.Ширвиндта о состоянии мест заключения X-му съезду Советов. Он содержал классификацию мест заключения, статистические данные об их количестве, численности заключенных, обобщал опыт хозяйственного использования заключенных в интересах новой экономической политики. В 1928 г. вышла книга А.А.Гершензона, посвященная борьбе с преступностью в РСФСР. В разделе, посвященном описанию мест заключения, автор вынужден был признать некоторые негативные стороны системы мест заключения, в частности, факт перенаселенности лагерей.

Одновременно на Западе публикуются свидетельства первых узников советского ГУЛАГа. В 1924 г. в Берлине вышло исследование русского историка-эмигранта С.П.Мельгунова о красном терроре большевиков, основанное на свидетельствах очевидцев. Автор впервые на основе большого фактического материала описал практически все стороны репрессивной политики большевиков в 1918-1922 гг. (карательные экспедиции чекистов, архангельские концлагеря, тюрьмы и ссылку). «Северную» тему продолжили вышедшие в середине 20-х – начале 30-х гг. публикации эмигрантских и западных авторов, некоторые из которых пережили лагерь и ссылку в Архангельской, Вологодской областях и Коми крае. Среди них выделяется книга С.А.Мальсагова «Адский остров. Советская тюрьма на далеком Севере» (Лондон, 1926). 2-я часть книги содержит описание генезиса лагерной системы на Севере (от Холмогорского и Пертоминского концлагерей к Соловецкому ансамблю), структуры и функций лагподразделений, категории заключенных, условий их жизни и труда.

Второй этап историографии охватывает 1930-е - середину 1950-х гг. В 1934 г. в серии "История фабрик и заводов" выходит апологетический коллективный труд ряда известных советских писателей, посвященный "перековке" заключенных Беломоро-Балтийского ИТЛ ОГПУ. Методы идеологического стимулирования труда, опробованные на Беломорканале, представляются здесь авторами в качестве основных форм перевоспитания «каналоармейцев». В книге заместителя начальника ГУЛАГа С.Фирша описана типовая структура лагерей ОГПУ, впервые упоминается система приписок, именуемая на лагерном жаргоне "туфтой".

В этом же году был опубликован сборник статей под редакцией Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского, а также книга Б.Утевского и И.Л.Авербах, которые содержали идеологическое и экономическое обоснование возрастания роли лагерей принудительного труда в реконструктивный период, обобщался опыт перехода от "убыточных" тюрем к "хозрасчетным" лагерям. Представленные в этих публикациях статистические сведения об использовании принудительного труда заключенных в СССР и о масштабах ГУЛАГовского хозяйства были последними данными подобного рода, опубликованными в СССР.

Середина 1930-х - начало 1950-х гг. много значили для исторической науки. Официальная советская точка зрения была высказана в учебнике «История ВКП (б). Краткий курс», где необходимость репрессий впервые обосновывалась такими аргументами, как проски внутренних и внешних «врагов народа» - агентов иностранных разведок (враждебного капиталистического окружения). Но с середины 30-х гг. появляется и оппозиционная сталинизму точка зрения Л.Д.Троцкого, Н.И.Бухарина, Ф.Ф.Раскольников и др., которые видели причины репрессий в личной нечистоплотности и коварстве Сталина, его стремлении к неограниченной власти, патологической ненависти к «ленинской гвардии».

На Западе основное внимание по-прежнему уделялось анализу системы принудительного труда в СССР. Лишь И.Мосберг и П.А.Сорокин пытались обобщить известные факты репрессий на широком историческом фоне. Поток литературы о политике сталинских репрессий растет, расширяется проблематика исследований, завязываются первые научные дискуссии западных историков, политологов и советологов.

В целом этот период в западной и эмигрантской историографии был временем накопления исторического материала, осно-

ванного главным образом на показаниях свидетелей возникновения ГУЛАГа. Это была своеобразная «интеллектуальная передышка», когда первый этап исследовательской работы закончился, а до второго было еще не близко.

К концу 40-х гг. документальный материал о советской системе принудительного труда, накопленный в западной историографии, позволил перейти к этапу научного осмысления проблемы. Первой фундаментальной работой этого периода стала книга Д.Д.Даллина и Б.И.Николаевского, содержащая наряду с внушительным историографическим разделом данные о размерах СЛС, этапах ее создания, профиле хозяйственной деятельности. Линия научного осмысления феномена ГУЛАГа была продолжена в работах Н.Семенова, Н.Ясны, Д.Роуссета.

Бывший заключенный Соловков и Ухтпечлага М.М. Розанов в начале 50-х гг. опубликовал на Западе книгу «Завоеватели белых пятен», в которой содержались подлинники и копии документов лагерного делопроизводства, нормирования труда и питания, бухгалтерского учета, хозяйственной деятельности. Это была первая публикация документов о внутренней жизни одного из советских ИТЛ, которая значительно расширила документальную базу исследований. В 1951 г. американцы предприняли первую попытку составления документальной карты ГУЛАГа. Эта работа была продолжена Б.Троицким, который впервые составил подробные картосхемы наиболее крупных лагерных комплексов, в том числе дислоцированных в Коми АССР (Минлаг, Речлаг, Воркутлаг, Устьвымлаг), проанализировал структуру управления и функционирования лагерными ансамблями.

Даллин и Троицкий представляли два направления в разработке темы истории ГУЛАГа. Представители первого пытались нарисовать возможно более широкую картину системы принудительного труда, используя в значительной степени социологический и политологический понятийный аппарат. Представители второго («историко-географического») предпочитали возможно более точно описывать конкретные спецпоселения, конкретные лагеря и тюрьмы, их структуру и функции в сочетании с характеристикой конкретных природно-климатических особенностей различных регионов, конкретные категории репрессированных.

Появляются первые исследования о репрессиях в отношении национальных и этнических групп населения (литовцев, латышей, эстонцев, поляков, немцев и др.). Для западной историографии 40-50-х гг., в отличие от предыдущего периода, характерны обобщение и классификации разрозненных данных о советской

системе принудительного труда и первые попытки постановки вопроса о ее роли в экономике СССР.

Третий этап относится к концу 50-х - середине 80-х гг. Концепция «культа личности», изложенная в постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30.06.1956, секретном докладе Хрущева на XX съезде КПСС и связанная с этими документами модель «деформаций социализма» легли в основу ряда публикаций историков (А.И.Зевелев, Н.Н.Маслов, Р.А.Медведев, Ю.А.Поляков, Н.Н.Федосеев и др.). Она не встретила понимания у западных историков, которые перешли от разрозненных публикаций к комплексным исследованиям истории ГУЛАГа. В 1960-х-1970-х гг. выходят исследования по истории ГУЛАГа П.Бартона и М.Геллера, экономическим аспектам принудительного труда посвятил свое исследование С.Сваневич, высказавший мнение о ничтожности экономической пользы от использования труда заключенных в масштабе страны. Кроме того, тема ГУЛАГа затрагивалась в общих работах С.Волина и Р.Слуссера, Б.Вольфа и Р.Конквеста, посвященных истории советской репрессивной системы.

Английский исследователь Р.Конквест и историк-эмигрант А.Некрич осветили в своих работах тему депортации ряда народов СССР в 40-е гг. и вовлечения их в систему принудительного труда. Западные исследования истории советских тюрем и концентрационных лагерей отражены в библиографической работе Л.Зорина, охватившей публикации по данной тематике, вышедшие в свет с 1917 по 1980 гг.

Следует отметить также исследования Е.Бэкона, в которых содержится оценка роли принудительного труда в СССР в 1937-1953 гг., численности заключенных и объема производимых ими работ. Статья А.Грациози посвящена восстаниям в ГУЛАГе летом 1953 г. Автор исследует состав заключенных в 1939-1953 гг., влияние войны на жизнь в лагерях.

Для зарубежной историографии 60-80-х гг. был характерен высокий уровень научного осмысления исторических источников и попытки исследования социальных, экономических и психологических аспектов истории ГУЛАГа, однако узость источниковой базы, обусловленная полным отсутствием доступа исследователей к материалам советских архивов, обусловила ряд субъективных оценок и фактических неточностей в изучении этого периода.

К западной и эмигрантской историографии ГУЛАГа примыкает написанное в СССР и впервые изданное в Париже историко-

публицистическое исследование А.И.Солженицына. Эту работу, целиком основанную на свидетельствах бывших узников, отличает высокий художественный уровень, редко встречающийся у профессиональных историков. В ней содержится описание многих лагерных структур, дислоцированных на европейском Севере России - от Соловков до Воркуты.

Состояние проблемы отражено также в работах Р.А.Медведева и французского историка Н.Верта. По их мнению, история ГУЛАГа - это история борьбы тоталитарного государства против человека, порабощения его государственным аппаратом, постепенного подчинения гнету, история принятия человеком его рабского состояния как должного, как нормы, история утраты человеком «меры свободы». Они считали, что лагеря 20-х годов были перевоспитательными (в отличие от карательной царской каторги) - «в эти годы лагеря еще не превратились в места массового уничтожения. Положение в них было более-менее терпимым; приличное питание, ограниченный рабочий день». В период массовых репрессий 1936 - 1937 гг. ГУЛАГ охватил буквально всю страну, выполняя все больше и больше народнохозяйственных задач (лесозаготовки, добыча полезных ископаемых и т.п.).

Ухудшение положения спецпоселенцев и заключенных привело к тому, что труд стал средством уничтожения и места лишения свободы становятся истребительно-трудовыми. Возрождение рабского принудительного труда оправдывало себя лишь благодаря тому, что СССР был исключительно богат полезными ископаемыми и природными ресурсами. Наряду с выполнением экономических функций ГУЛАГ становится «подсистемой страха», высший расцвет которой падает на конец 30 - начало 40-х годов. Со смертью Сталина система лагерей постепенно сворачивается и после XX съезда КПСС окончательно разрушается.

Безусловно, приведенная концепция отнюдь не исчерпывала поставленной проблемы, поскольку не была подкреплена конкретными историческими исследованиями. Кроме того, террор в отношении крестьянства («раскулачивание») не был оценен Р.Медведевым в той степени, которой он заслуживал.

Четвертый этап (вторая половина 80-х – конец 90-х гг.). Во второй половине 80-х годов в работах И.В.Бестужева-Лады, Ю.С.Борисова, Г.Бордюгова, А.П.Бутенко, В.Козлова и др. оформилась концепция, в некоторых своих существенных положениях весьма сходная с точкой зрения государственных и общественных деятелей середины и конца 30-х гг., оппозиционных сталинизму. Репрессивная политика была в основном определена,

установлена прямая связь между «раскулачиванием», «социалистической индустриализацией», «спецееством» и политическими процессами 30-х годов над оппозицией.

В ходе дискуссии конца 80-х - начала 90-х гг. сложились две точки зрения. А.П.Бутенко, Д.Волкогонов, Р.А.Медведев и др. считали репрессии деформацией, извращением социализма, разрывом между теорией и практикой социалистического строительства. А.С.Ципко, И.Л.Бунин и др. видели в репрессиях итог построения социализма, его результат, конечную цель и в то же время средство. В отличие от предыдущих эта дискуссия не была чисто академической. Она шла широким фронтом, перекрестываясь в средства массовой информации, и была напрямую обращена к общественному мнению. Результатом ее было формирование негативного по отношению к сталинизму общественного мнения. Политизация чисто исторических проблем имела, в свою очередь, и некоторые негативные моменты. Интерес общественности к проблематике массовых репрессий с 1993 г. стал постепенно ослабевать.

Новый импульс тема сталинской репрессивной политики получила после январского (1989 г.) пленума ЦК КПСС, который разрешил рассекретить некоторые архивные материалы, связанные в основном с московскими политическими процессами 30-х гг. (публикации в журнале «Известия ЦК КПСС», обобщенные в сборнике «Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов». Под ред. А.Н.Яковлева. М., 1991). В 1991-1992 гг. многие документы ГУЛАГа, находившиеся на специальном хранении, становятся доступными более широкому кругу исследователей.

Демократические преобразования в бывших социалистических странах Восточной Европы способствовали появлению там ряда публикаций о ГУЛАГе. В частности, в Польше, граждане которой в 40-х гг. оказались в наибольшей степени вовлечены в советскую систему принудительного труда, в последние годы вышли в свет документальные свидетельства и исследования по этой тематике. Воспоминания Г.Герлинга-Грудзинского описывают пребывание интернированных поляков в советских лагерях в 1940-1945 гг. В 1992 г. в Варшаве был опубликован отчет Отдела пограничной стражи Корпуса охраны границы за 1933 г. "Концентрационные лагеря ОГПУ в СССР", составленный по материалам свидетельств бывших узников-поляков. Отчет содержит сведения об организационной структуре и расположении лагерей, количестве заключенных, выполняемых работах. Полякам-узникам советских (в т.ч. и Северных) лагерей посвящены монографии З.С.Семанко, Ю.Седлецкого и др.

Одновременно российские историки Н.Ф. Бугай, М.Е. Главацкий, В.П. Данилов, В.Н. Земсков, Н.А. Ивницкий, В.П. Мотревич, Т.И. Славко и др. начали публикацию неизвестных ранее архивных документов о деятельности репрессивных органов в рамках бывшего СССР (особенно ГУЛАГа), о численности и качественном составе различных категорий репрессированных, спецсылке, раскулачивании и депортациях народов. Эти публикации отличались широким использованием статистики ГУЛАГа и вниманием к структуре спецпоселений, лагерных подразделений, социально-историческим и социо-демографическим аспектам репрессивной политики, условиям жизни и труда заключенных и спецпереселенцев.

Зарубежная историография, вдохновленная возможностями получения уникальных рассекреченных документов, также получила новый импульс для исследований. Э.Бэкоп, Д.Гетти, М.Джекобсон и др. опубликовали в 1993-1995 гг. работы, содержавшие анализ социально-экономических аспектов темы массовых репрессий. Но буквальное следование тексту источников без достаточной критической работы привело авторов к возврату на сталинские смысловые «нары».

Волна публикаций этого периода не была лишена и некоторых весьма существенных недостатков. Практически отсутствовала серьезная источниковедческая критика архивных и мемуарных материалов. Упоования на то, что сам читатель сможет сделать «соответствующие выводы», оказались достаточно утопичными. Точность статистики ГУЛАГа при проверке на региональных материалах вызывает серьезные сомнения. На расхождения в подсчетах В.Н.Земскова и данных региональной статистики указала, в частности, Т.И.Славко, зафиксированы они также и на материале Северного края. Однако указанные недостатки не умаляют значения публикаций, благодаря которым в научный оборот были введены массовые источники по истории репрессий 20-50-х гг.

С начала 90-х гг. отечественными исследователями проводится работа по картографированию объектов ГУЛАГа. На основе свидетельств бывших узников, хранящихся в архивах общества "Мемориал", В.Н.Комиссаровым были составлены карты сталинских лагерей Европейской части СССР, Западной и Восточной Сибири, Урала, Казахстана и Средней Азии, южной части Дальнего Востока, Якутии. Карта уральских лагерей, составленная В.Н. Комиссаровым, включала 49 лагподразделений. Наиболее полной работой подобного плана следует считать карту ГУЛАГа в масштабе СССР, составленную С. Романовым (1472 лагподразделения).

В работах ряда исследователей нашли отражение отдельные аспекты истории ГУЛАГа: иностранцы в ГУЛАГе, детские лагеря, ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны. Накопление информации о различных категориях заключенных, спецпоселенцев и трудмобилизованных позволило отечественным исследователям поставить вопрос об экономических аспектах этого явления, в частности, о его месте в народном хозяйстве страны. Л.А. Обухов и М.В. Рубинов определили место труда заключенных в экономике страны в период зарождения советской пенитенциарной системы в 1918-1920 гг. О.В.Хлевнюк прослеживает эволюцию советской системы принудительного труда с конца 1920-х до начала 1940-х гг., от первых попыток перевода пенитенциарной системы на самоокупаемость до полной интеграции ГУЛАГа в экономику страны. Л.С.Трус в своей статье раскрывает систему связей между внутрилагерной и внелагерной экономическими системами. Он выделяет своеобразный "комплекс ГУЛАГа", сложившийся в лагерях НКВД и распространившийся на советскую экономику в целом. Основные черты этого комплекса, по мнению автора, – это отвращение к труду, бесхозяйственность и система приписок. Статистические данные, характеризующие производственную систему ГУЛАГа в 1939-1940 гг., приводят С.Г.Эбеджанс и М.Я.Важнов, подробно останавливаясь на строительстве силами заключенных Норильского никелевого комбината. Роли "спецконтингентов" в формировании трудовых ресурсов Дальнего Востока в 30-х – начале 50-х гг. посвящена работа Е.Н.Чернолуцкой.

На рубеже 80-90-х годов в исторической литературе нашего региона (Мурманская, Архангельская, Вологодская области, Республика Карелия и Республика Коми) происходило быстрое освоение проблематики истории политических репрессий. Первые сведения об использовании принудительного труда спецпереселенцев на лесозаготовках Коми АССР были опубликованы в 1989г. в сборнике документов «Лесная промышленность Коми АССР. 1917-1960» под редакцией Е.Э.Макеевой. Эту тему продолжили Л.С.Шабалова, Г.Ф.Доброноженко, Н.Игнатова. В 1992г. в Архангельске состоялась первая в регионе научно-практическая конференция «ГУЛАГ на Севере и его последствия», организованная архангельской областной общественной организацией «Совесть» и областным краеведческим музеем. Сборник материалов конференции обобщил результаты краеведческих изысканий о начальном периоде политики массовых репрессий, о Соловецком лагере, Вайгачской экспедиции ОГПУ.

В ноябре 1993 г. в Сыктывкаре прошла научная конференция «История репрессивной политики на Европейском Севере России. 1917-1956 гг.» с участием ученых СГУ, Удмуртии, Свердловска, Архангельска, Петрозаводска, краеведов, архивных работников, активистов обществ «Мемориал» и родственных организаций Республики Коми, Архангельской области, Карелии, Мурманска, Москвы.

Истории Ухто-Печорского лагеря за 1929-38 гг. и его преемника - Ухто-Ижемского лагеря за 1938-45 гг. посвящены несколько работ А.Н.Каневой. Ее публикациям присуща определенная авторская логика: вначале дается краткий экскурс в родословную обоих лагерей, затем рассматривается их структура, реорганизации, дается обстоятельный функциональный анализ их деятельности в указанный исторический период, приводится списочный состав заключенных, даны схемы дислокации лагерей - достаточно подробные и обстоятельные.

В методологическом плане весьма существенно отличается позиция П.И.Негретова. Его публикации, посвященные анализу начального периода освоения Воркутинского угольного месторождения (1931-1941 гг.), основаны на принципах современной исторической географии: признается, что географическое положение Воркуты и способ освоения северных территорий силами в основном заключенных в значительной степени предопределили систему функционирования Воркутинского лагерного комплекса. Поэтому анализ идет по элементам комбината: транспорт, снабжение, административно-территориальная подчиненность, проблемы рабочей силы, уровень компетенции управленческих кадров, организация и эффективность научных исследований. Диахронический принцип соблюдается, но играет явно подчиненную роль, будучи привязан к основным элементам анализируемой проблемы.

Серьезные исследования имеются также и по другим регионам России (Урал, Западная Сибирь). В работах А.В.Бакунина, Л.И.Гвоздковой, М.Е.Главацкого, В.М. Кириллова, А.Г.Козлова, Н.П.Палецких, И.Е.Плотникова, Т.И.Славко, А.С. Смыкалина, А.М. Широкова, М.М.Этлisa и др. проведен глубокий анализ рассматриваемой проблемы. Защищены докторские (В.М.Кириллов, Л.И.Гвоздкова) и кандидатская (Г.Я.Маламуд) диссертации.

Фундаментальным исследованием по истории репрессивной политики в одном из регионов Урала на протяжении 20-х-50-х гг. явилась монография В.М.Кириллова. Сужение территориальных

рамок работы до границ Нижнетагильского региона позволило автору максимально подробно осветить историю складывания системы спецпоселений и лагерей на территории Свердловской области.

Монография Л.И. Гвоздковой посвящена истории сталинских лагерей Кузбасса. На протяжении четырех временных периодов: 1920-е - первая половина 1930-х гг., 1938-1940 гг., 1941-1945 гг., 1946-1950-е гг. автор на материалах Кузбасса прослеживает эволюцию советской системы лагерей. Монография содержит схемы дислокации лагерей на территории Кемеровской области. Данные по численности заключенных, их социальному и половозрастному составу, производственной специализации лагерей сведены в таблицы. Л.И. Гвоздкова прослеживает влияние ГУЛАГа на современную структуру народного хозяйства и социальный состав населения Кузбасса, доказывает, что влияние это носит регрессивный характер.

Попытка комплексного подхода к проблемам использования принудительного труда в промышленности Урала, содержится в монографии Н.П. Палецких, посвященной социальной политике в регионе в годы Великой Отечественной войны. В работе дается характеристика всех контингентов принудительно используемой рабочей силы: заключенных, спецпоселенцев, военнопленных, различных категорий трудмобилизованных. Их социально-экономический статус автор квалифицирует как государственное рабство. Н.П. Палецких отмечает наряду с дешевизной рабочей силы гулаговских контингентов и такой мотив их использования, как компенсация повышенной изнашиваемости слоя кадровых вольнонаемных рабочих в условиях экстенсивных методов кадровой политики.

Заметным событием в историографии пенитенциарной системы в масштабах страны и Уральского региона явился выход в свет монографии А.С. Смыкалина. В своем исследовании автор проводит ретроспективный анализ системы исправительно-трудовых учреждений страны с 1917 до конца 50-х гг. Им изучена нормативная база деятельности советской пенитенциарной системы, включая ранее засекреченные документы. Автор предложил собственную периодизацию истории пенитенциарной системы в СССР. В монографии исследованы практически все формы вовлечения советских и иностранных граждан в систему принудительного труда, имевшие место в СССР на протяжении четырех десятилетий. Значительное место автор уделяет истории лагерей, колоний, тюрем и спецпоселений Урала, Сибири, Севера России.

Судьбы иностранцев, интернированных и военнопленных в лагерях, тюрьмах и колониях... Историки обратили внимание на эту проблематику сравнительно недавно. Этому способствовали некоторые важные факторы. На Западе никогда не прекращалась работа по выяснению судеб соотечественников, пропавших в недрах советского ГУЛАГа и других репрессивных структур СССР. В ней принимали участие общественные организации, государственные и политические деятели, церковные круги. С другой стороны, законодательные акты, принятые в новой России, реабилитировали иностранцев, чья вина в совершении политических преступлений не была доказана.

Оживлению этой темы в значительной степени способствовало раскрытие архивов по Катынскому делу, работа Совместной российско-американской комиссии по розыску пропавших без вести (комиссия Волкогонов-Тун), усилия международных организаций по выяснению судьбы Рауля Валленберга и т.д. Много сделали российские «Мемориалы» (Рязанский, Тамбовский, Сыктывкарский, Воркутинский, Екатеринбургский, Нижнетагильский, Пермский, Московский, Санкт-Петербургский и др.).

В Вологде были организованы несколько международных конференций, посвященных проблемам истории репрессивной политики советского государства в отношении военнопленных и интернированных, результатом которых были многочисленные серьезные публикации как в России, так и на Западе (работы В.П.Галицкого, В.Б.Конасова, В.П.Мотревич и др.).

Тесно примыкает к этой теме проблема депортации из стран Западной Европы в СССР (1944-1947 гг.) 2,5 млн. наших соотечественников, судьбой большинства из которых стали проверочно-фильтрационные лагеря, заключение в тюрьмы, колонии и сталинские лагеря, спецпоселение и ссылка. Из последних исследований по этой проблеме отметим книгу Н.Д.Толстого «Жертвы Ялты», опубликованную в Москве в 1996 г. в серии «Исследования по новейшей русской истории» под общей редакцией А.И.Солженицына. Следует признать, что эта проблема еще далека от разрешения и находится на периферии внимания отечественных исследователей.

В середине 90-х годов возникли научно-исследовательские центры по изучению истории репрессий. На базе Московского, Санкт-Петербургского, Пермского и Международного «Мемориалов» сложились НИЦ, которые ведут разработку целого ряда интересных проектов («Поляки, репрессированные в СССР», «История ИТЛ СССР (1929-1961)», «История православия на Со-

ловках в советский период», «История диссидентства», «Остарбайтеры», «Места захоронений жертв террора», «Музей тоталитаризма», «Урал-ГУЛАГ» и др.) Признанным информационно-аналитическим центром наряду со столичными НИЦами является коллектив рязанского журнала «Карта».

В 1995 г. Московский «Мемориал» издал «Библиографический указатель» изданий общества (составители Б.Беленкин, Е.Козлова, Е.Струкова), который содержал 109 библиографических справок. По существу первое документально обоснованное общее описание советской лагерной системы содержится в справочнике «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР», изданном в 1998 г. НИЦ общества «Мемориал» в Москве (составитель М.Б.Смирнов).

Под влиянием «Мемориалов» сложилась школа молодых историков («Ассоциация историков российского общества XX века»). Д.Бабиченко, Д.Букалов, Н.Игнатов, Н.Костенко, Г.Кузовкин, С.Лукашевский, Е.Паповян, О.Репухова, М.Саламатова, Е.Садовская и др. опубликовали ряд исследований по различным аспектам истории политических репрессий (главным образом в российских регионах).

В Уральском госуниверситете с 1993 г. реализуется исследовательская программа «Региональный банк данных. Урал XX в.», включающая разработку следующих направлений: «Концлагеря Урала в 20-начале 30-х гг.», «Судьба церкви и священнослужителей в 20-е гг.», «Контрреволюционные выступления населения Урала в 1918-начале 30-х гг.», «Кулацкая ссылка на Урале в 30-е гг.», «Принципы формирования образа врага народа в 20-30 гг.», «Социально-экономические и психологические последствия репрессивной политики» и др. Результаты исследований отражены в многочисленных публикациях и сборниках трудов региональных конференций.

Таким образом, к середине 90-х гг. был накоплен определенный опыт сбора и обобщения источников, сформировались региональные базы данных, определились основные направления разработки темы. Из Северных лагерей наиболее изученными оказались Ухто-Печорские и Ухто-Ижемские, Воркуто-Интинские и Северные железнодорожные. Гораздо менее изучены лесные ИТЛ (Усть-Вымский, Локчимский), комбинированные типы (Северный комбинат ОГПУ, Спецжешартстрой), ИТК и тюрьмы, система спецпоселений в Коми крае.

Исходную базу данных о предметной области данного исследования представляют комплексы источников, формирующие

системы знаний по истории ГУЛАГа. Придерживаясь принятой в отечественной исторической науке классификации источников, следует выделить комплекс источников-памятников, сохранившихся от прошлых событий, в которых зафиксированы субъективные представления их участников. Так, лагерный пейзаж и архитектура как некий трансформационный ряд текстов, включенный в интенциональный контекст, при внимательном прочтении дают общий пространственно-временной фон исследования. Остатки лагерей, сохранившиеся здания и сооружения, материальные остатки лагерной субкультуры служат своеобразным мостиком между прошлым и настоящим. Территория Республики Коми по насыщенности памятниками этого рода заметно превосходит другие острова Архипелага ГУЛАГ.

Во-вторых, это традиционные (архивные) источники, которые мы делим на вещественные, видео-фото-фонодокументы, фольклор, лингвистические и письменные источники. В данной работе использованы неопубликованные документы 42 фондов 8 центральных и местных архивов и архивохранилищ (более 2000 архивных дел).

В фонде 9414 Государственного архива Российской Федерации (Главное управление мест заключения МВД СССР) хранятся отчетные документы и приказы руководства ГУЛАГа, а также донесения и справки руководителей лагерей, отраслевых и территориальных управлений НКВД, литерные дела лагерей. Последние представляют особый интерес для исследователя, поскольку содержат подробные сведения о дислокации лагерей, численности и составе содержавшегося в них контингента, характере производственной деятельности на конкретную дату (как правило, начало-середина 50-х гг.). Сведения о дислокации, численности и трудоустройстве спецпоселенцев содержит фонд 9479 (4-й спецотдел МВД СССР) этого архива. Особенностью отчетных документов ГУЛАГа и отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР является то, что каждый документ является ответом на конкретный запрос, специфика которого не всегда отражена в отчетном документе. В результате этого сводные данные о количестве заключенных в лагерях в одних случаях включают "мобилизованных немцев", а в других – нет. Точно так же сводки о количестве спецпоселенцев могут в соответствии с запросом не включать отдельные категории этого контингента, что специально не оговаривается. Критический подход к этой категории источников требует сопоставления их между собой и с документами местных архивов.

В Национальном государственном архиве РК интерес представляют фонды 3,93,140,421,429, 701,758,759, 1329, 1515, 1656, 1657,1658, 1659,1668, 1681,1683, 1726, 1957,1959,1973, содержащие документы управлений «Компнефть», Ухтинского, Интинского и Воркутинского комбинатов и их подразделений лагерного периода. Наибольшую ценность представляют приказы и распоряжения по управлениям лагерей, инструкции, справки и отчеты, списки заключенных, премированных за успехи в труде или участии в ликвидации аварий. Эти документы позволяют также реконструировать дислокацию и структуру лагерных комплексов, выявить особенности производственной деятельности, проследить основные этапы реорганизаций.

Использованные документы можно разделить на несколько групп. Во-первых, это директивные материалы ОГПУ-НКВД-МВД СССР (приказы, распоряжения, циркуляры). Во-вторых, архивные дела, содержащие информацию о состоянии отдельных лагерных управлений или отделений (литерные дела лагерей 50-х гг., которые включали справки с общей характеристикой лагерьной структуры, картосхемы, справки-характеристики, переписку с вышестоящими органами, акты приема-передачи, ликвидационные балансы, планы и отчеты). К некоторым актам приема-передачи прилагался полный список заключенных, составленный в алфавитном порядке с указанием категорий трудоспособности. В-третьих, сводные ведомости и отчеты финансовых отделов лагерей, материалы учетно-распределительных подразделений. Важнейшим источником является переписка управлений лагерей с главками и отделами ГУЛАГа, которые дополняют материалы политотделов лагерей

Центральные и региональные периодические издания содержат немало сведений, дополняющих данные о системе ГУЛАГа, почерпнутые из других источников. Особую группу среди них занимают многотиражки лагерей, дислоцированных на территории Коми АССР. Значительную ценность представляет коллекция карт и картосхем 30-50-х гг., хранящаяся в бывшем архиве обкома КПСС, а также коллекция музея истории МВД РК. Они являются источниками сведений об административно-территориальном делении Коми края в 20-50-е гг., о дислокации мест поселений, колоний и лагерей, путях сообщения, некоторых производственных объектов, которые сооружались с использованием труда спецпереселенцев и заключенных на территории региона, о перспективах промышленного освоения северных территорий в годы 1-3 пятилеток. Важно отметить, что географические карты Север-

ного края 1933 г., составленные с участием профессора В.П.Налимова, были вообще первыми картами региона советского периода, на основе которых составлялись все последующие карты и картосхемы.

На основе этих источников составлен список 46 спецпоселков раскулаченных по районам Коми АО с привязкой к бассейнам рек (поскольку спецпереселенцы были заняты главным образом на лесозаготовках и лесосплаве). Общий список спецпоселков, трудпоселков и поселков смешанного типа (вольнонаемные и спецпоселенцы), насчитывает 178 наименований.

В целом работы по истории политических репрессий и ГУЛАГа, опубликованные в последние годы, можно разделить на следующие группы. Прежде всего это публикации архивных документов партийных или репрессивных органов директивного или отчетного характера. Как правило, эти документы хорошо прокомментированы и вводят в научный оборот новый материал. Далее идут сводные обзорные работы по статистике репрессий, опирающиеся на отчетные документы репрессивных органов или их делопроизводственную документацию. Особой тщательностью отличаются работы по статистике спецпереселенцев и раскулаченных, что объясняется традициями отечественной школы аграрной истории. На основе изучения наиболее значительных архивно-следственных дел осуществлен целый ряд публикаций, вводящих в научный оборот огромный комплекс новых архивных документов. Слабостью этого вида публикаций является почти полное отсутствие мотивированной критики источников, а также слабо выраженная авторская позиция в оценке происходивших событий. Сюда же можно отнести и многочисленные публикации мемуаров жертв политических репрессий, которые публикуются большей частью без необходимых комментариев, справочного аппарата и редакторской критики, что снижает их источниковый потенциал.

Последнюю группу представляют собственно исследования истории ГУЛАГа и политических репрессий. Наряду с сильными сторонами эти публикации имеют и существенные недостатки. Слаба, как правило, их концептуальная основа. Стремление избежать каких-либо категорических оценок под прикрытием научной объективности и академизма приводит некоторых авторов к тяготению в сторону официально признанных и установленных критериев оценки событий 20-50-х годов. Традиционное недоверие к источникам личного происхождения обедняет содержание этих работ, делает их структурно-функциональными, схематиче-

скими. Очень редки попытки соединить анализ официальных и неофициальных документов, а ведь частные свидетельства несут бесценные свидетельства очевидцев эпохи. Знание и понимание исторических событий советского периода нашей истории все еще не приведены в органическое единство.

Таким образом, источниковая база исследования представлена комплексами документов, часть из которых начала вводиться в научный оборот еще в 1920-1930-х гг., но большая часть стала доступна историкам только с начала 1990-х гг. По степени обеспеченности документами выделяются комплексы источников, связанные с деятельностью ИТЛ в добывающей и нефтехимической отраслях промышленности, лесной и деревообрабатывающей промышленности, промышленном и гражданском строительстве. Гораздо меньше представлены источники, характеризующие сельскохозяйственные ИТЛ и ИТК, больничные и лечебные учреждения ГУЛАГа. Еще в меньшей степени сохранились документы, относящиеся к формированию и функционированию системы ссылки и спецпоселений. Это создает серьезные трудности при формировании баз данных и систем знаний в предметной области исследования.

Научная новизна работы. Впервые на региональном уровне проведено комплексное исследование истории лагерных комплексов и спецпоселений периода 20-50-х гг., связей и взаимодействий различных государственных и социальных репрессивных структур на обширном архивном материале, большая часть которого ранее не была доступна историкам. Впервые предметом анализа стали формы сопротивления политических репрессированных произволу среднего и низшего звена спецпоселенческих и лагерных администраций Коми региона. На основе анализа архивных источников показано, что сопротивление в самых разнообразных формах было всегда, и ответом на него были повторные репрессии уже в местах лишения или ограничения свободы.

Впервые сделана попытка определить общее количество и состав репрессированных по политическим мотивам в пределах Коми региона. Выявлены и проанализированы судьбы тысяч репрессированных граждан СССР и иностранцев.

Апробация исследования. Содержащиеся в диссертации концептуальные положения, фактический материал и практические выводы были изложены автором в докладах, сообщениях и выступлениях на международных научных и научно-практических конференциях (Оулу, Финляндия - 1992 г., Варшава, Республика Польша - 1992, 1993, 1994 гг., Москва - 1993, 1996-август и 1996-

сентябрь гг., Санкт-Петербург - 1994 г., Пермь - 1995 г., Вологда - 1997 г.), Всероссийских конференциях (Сыктывкар - 1993, 1996 гг.).

Основные результаты исследования изложены в сборнике тезисов Всероссийской научной конференции 1993 г. в Сыктывкаре (5,0 п.л.), двух авторских научных монографиях (1997 и 1998 гг.) общим объемом 20 п.л., а также в 34 других научных публикациях в центральных и региональных журналах, сборниках материалов и тезисов общим объемом около 45 п.л.

Материалы и выводы диссертации используются в преподавании учебных курсов «История Отечества», «История Коми Республики», «Историческое краеведение», «История регионоведения» на финно-угорском факультете СГУ. Основные концептуальные моменты диссертационного исследования, списки лиц, подвергавшихся политическим репрессиям, картографические и иные материалы использованы при подготовке I-го и последующих томов республиканского «Мартиролога» жертв политических репрессий. Материалы об иностранцах-политзаключенных и ссылки использованы для доклада на XIII пленарном заседании Российско-американской комиссии по делам военнопленных и пропавших без вести (Москва, сентябрь 1996 г.). Материалы исследования использованы в съемках документальных фильмов «Французы в ГУЛАГе» (съемочная группа французского телевидения, 1994 г.) и «Белый квадрат на белом поле» (съемочная группа французского телевидения, 1998 г.).

Основное содержание работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений. Во *введении* содержится обоснование темы исследования, ее актуальности и научной новизны, целей и задач анализа, методологических основ работы, категориального аппарата, дается общая характеристика историографии проблемы и источниковой базы.

В *главе I «Историография проблемы и источники»* дана характеристика степени научной разработанности проблемы, состояния источниковой базы и методики анализа источников. Основные этапы изучения системы ГУЛАГа совпадают в главном и основном с периодами становления, расцвета и упадка советского тоталитаризма. Это совпадение не является случайным, поскольку данная система была конкретным воплощением принципа тоталитаризма, реализованного в милитаризации социально-экономической жизни и экспансии. Милитаризация требовала использования принудительного труда в самых широких пределах и самых разных формах.

Во *второй главе («Структура и дислокация ИТЛ в Коми крае*

в 1929-1956 гг.») выделены три основных этапа территориально-организационного размещения репрессивных структур. Первый этап начался в 1929 и продолжался до 1938 г. Его начало совпало с отказом от «новой экономической политики», поворотом к форсированной индустриализации и коллективизации, внедрением новой системы экономического и административно-территориального районирования СССР и РСФСР, а окончание – с новым административно-территориальным устройством, принятым в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. Коми автономная область становится частью Северного экономического района и в административном отношении – частью Северного края. В 1929 г. вместо уездов и волостей были созданы 12 районов: Усть-Цилемский, Ижемский, Усть-Усинский, Троицко-Печорский, Удорский, Усть-Вымский, Сторожевский, Сыктывдинский, Усть-Куломский, Прилузский, Летский, и Сысольский и около 150 сельсоветов. По переписи 17 декабря 1926 г. численность населения области составила 215,6 тыс. человек (в том числе 10 тыс. городского), по переписи 1939 г. – 289089 чел.

Лесная промышленность была объявлена профилирующей для всего района («экспортный цех страны»). Для решения этой стратегической задачи потребовалось пересмотреть традиционные взгляды на использование принудительного труда в народном хозяйстве. Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ перепрофилируется и разгружается, создается Северное управление лагерей особого назначения с центром в Усть-Сысольске, для освоения природных богатств Коми края создается Ухто-Печорский ИТЛ (1931-1938 гг.), в сферу деятельности которого попали территории Усть-Цилемского, Ижемского, Усть-Усинского, Усть-Вымского и Сыктывдинского районов Коми области. Здесь сложились два новых промышленных узла – Чибьюсский и Воркутский с населением около 80 тыс. чел. Нефтяные промыслы, угольные и асфальтитовые рудники, судостроение, промыслы, подсобные сельскохозяйственные предприятия заложили основу горнодобывающей (нефтяной, газовой и угольной), нефтеперерабатывающей, химической промышленности, производства стройматериалов и транспортной сети Ухто-Печорского района. В 1929-1933 гг. общий объем государственных капиталовложений в развитие Ухтпечлага составил 14,8 млн. руб., в 1933 – 1937 гг. – 166 млн. руб. (в т.ч. по промышленности 72 млн.руб.). Быстро росла добыча нефти, угля, асфальтитов, радия, производство строительных материалов.

Фактически одновременно (с весны 1930 г.), в южных и центральных районах (Прилузский, Сысольский, Сторожевский,

Усть-Куломский и Усть-Вымский), начинает складываться вторая важнейшая структура принудительного труда – система спецпоселков раскулаченных. В 1930-1933 гг. на территории Коми области были созданы несколько десятков спецпоселков, в которых жили более 37 тыс. человек. Эта структура была связана с лагерными структурами в южных (ИТЛ при строительстве железной дороги от ст.Пинюг до Усть-Сысольска) и центральных (Ухтпечлаг) районах Коми области. Два спецпоселка – Новый Бор в Усть-Цилемском и Пинья-из в Троицко-Печорском р-нах прямо и непосредственно входили в структуру Ухтпечлага. 10 спецпоселков Прилузья и Сысольского р-на обеспечивали стройматериалами и рабочей силой строительство железной дороги на Усть-Сысольск, выполняя определенную часть производственной программы Северного ИТЛ. 6 спецпоселков Усть-Вымского р-на участвовали в лесоразработках совместно и наряду с лагподразделениями Ухтпечлага.

В качестве подсистемы системы спецпоселений можно рассматривать административную ссылку и высылку. Она не получила такого широкого распространения, как система спецпоселков, но тем не менее была составной частью репрессивных структур. В некоторых традиционных местах ссылки и высылки (Усть-Куломский, Усть-Цилемский, Ижемский р-ны) в начале 30-х гг. вводились коменданты по ссылке, чьи функциональные обязанности в общем совпадали с функциями комендантов спецпоселков. Ссылные работали на лесозаготовках и лесосплаве, на предприятиях местной промышленности (особенно в райпромкомбинатах), в лагподразделениях Ухтпечлага.

С 1928 г. начинает складываться третья структура – исправительно-трудовых колоний. В Коми области первые ИТК отмечены еще в середине 20-х гг. (Кылтовская детская колония в Усть-Вымском р-не, Якшинская лесозаготовительная колония в Троицко-Печорском р-не). Летом 1928 г. недалеко от Усть-Сысольска возникает сельскохозяйственная ИТК в местечке Нижний Чов, из которой затем выделяется Верхнечовская лесозаготовительная ИТК. Весной 1932 г. создается ИТК «Северный лесохимический комбинат ОГПУ» с центром в п. Пезмег ныне Корткеросского р-на и дислокацией в бассейнах р. Локчим и средней Вычегды). Комбинат существовал вплоть до 1936 г. и активно использовал для выполнения производственной программы труд спецпереселенцев семи спецпоселков, расположенных в бассейне р.Локчим и Маджа. В 1937 г. на его базе был создан Локчимский лесозаготовительный ИТЛ с лимитом наполнения 25000 заключенных.

Четвертая структура – тюремная, вместе с ИТК входила в систему общих мест заключения. После Октября 1917 г. ненавистное слово «тюрьма» было исключено из употребления. В обиход вошли другие термины – «арестантские дома» для подсудственных, «исправительно-трудовые дома», «дома заключения» («домзак»). С августа 1921 г. был образован областной дом заключения («домзак») на 100 человек подсудственных и заключенных (на 1 декабря 1922 - 110 человек и на 1 октября 1923 - 150 человек), Ульяновский (на 100 человек) и Ижемский (на 30 человек) домзак. Приказом заведующего отдела внутреннего управления Коми облисполкома от 9 июня 1923 г. 4 уездных домзак были переданы в ведение Главного управления мест заключения, которое переименовало их в «исправительно-трудовые дома».

Сыктывкарская городская тюрьма существовала с 1843 г. В 1858 г. в ней содержались всего 10 арестантов. В июле 1918 г. она перешла в ведение наркомюста РСФСР. По штату в ней числились 13 сотрудников (в т. ч. 10 надзирателей) при 22 заключенных. С началом «большого перелома» в строительстве социализма понадобилось расширить тюремные помещения и реабилитировать сам термин. В 1932 г. в Сыктывкаре была построена новая двухэтажная деревянная тюрьма № 1 из двух корпусов с лимитом наполнения 200 чел. (36 общих и 2 одиночные камеры, с 1940 г. добавились еще два карцера, два кабинета и больничная палата).

ИТЛ, ИТК, спецпоселения и тюрьмы составляли единую взаимосвязанную систему. Но основную нагрузку несли, несомненно, лагерные структуры. Поэтому именно им в диссертации уделено основное внимание.

На втором этапе (1938-1948 гг.) система лагерей в Коми крае претерпела заметные и существенные преобразования. В 1937-1938 гг. открылись два лесозаготовительных, железнодорожный и два добывающих ИТЛ. В 1940-1942 гг. к ним добавились еще два железнодорожных и два добывающих лагеря. Воркутлаг сделал попытку дифференциации управления по производственному принципу, выделив «Райсельхозлаг», но она оказалась преждевременной и неудачной. В 1946-47 гг. Интинский ИТЛ выделил в самостоятельную структуру - управление «Щугоруголь», но оно оказалось неэффективным и нежизнеспособным. В годы войны лагерные структуры переживают глубокий спад, уменьшается объем их производственной деятельности (за исключением производства военной продукции), численность и качественные характеристики контингента. С марта 1946 г. с формальной целью ограничить произвол лагадминистраций вводится прокурорский

надзор в лагерях. Ощущается необходимость в пересмотре структурно-функциональных характеристик ГУЛАГа на общегосударственном уровне, в более глубокой дифференциации как производственной, так и внутрилагерной деятельности. В июле 1949 г. утверждается новое Положение о ГУЛАГе СССР.

Третий этап (1948-1956 гг.) характеризовался рядом структурных и режимных реорганизаций, среди которых важнейшее значение имело создание Особых лагерей. Лагерно-производственный комплекс в Коми АССР приобрел строго дифференцированный и разветвленный характер. Слияние в 1950 г. двух железнодорожных лагерей в один связало Усть-Вымский, Ухто-Ижемский, Интинский и Воркутинский лагеря в единое целое. На базе Усть-Вымского и Печорского ИТЛ возникает на короткое время Особый лагерь № 12 (Водораздельный) лесозаготовительного профиля, а затем структуры «Косланспецлеса» и «Устьвымспецлеса». Контингенты заключенных принимают участие в строительстве железных дорог Айкино-Кослан и Айкино-Сыктывкар, что имело важное значение для начала подготовительных работ на стройплощадке Сыктывкарского ЛПК.

12.06.1953 г. Совет министров СССР принял решение о переподчинении ГУЛАГа Министерству юстиции (отменено 21.01.1954 г.). Тем самым был сделан первый шаг к демонтажу всей системы ИТЛ в СССР. Принципиально важное значение для последующих шагов в этом направлении имели акты широкого сопротивления политзаключенных 1953-1955 гг., которые убедили руководство страны в необходимости принятия более существенных мер. 12 марта и 10 июля 1954 г. ЦК КПСС принял постановления о работе системы исправительно-трудовых лагерей, которые инициировали ряд мероприятий по проверке мест заключения и лишения свободы. В июле 1954 г. по результатам проверки было принято новое Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР.

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 25.10.1956 г. положило начало практической ликвидации ИТЛ и структурной перестройке ИТК (отрядная система, укрепление воспитательных аппаратов, создание собственной производственной базы ИТК и др.). Эти меры шли в общем русле решений XX съезда КПСС по «разоблачению культа личности Сталина». Таким образом, в 1956 г. лагерная система в целом по стране и в ее регионах (в т.ч. и в Коми АССР) была демонтирована.

Таким образом, в рассматриваемый период система лагерей и спецпоселений в Коми крае претерпела заметные и существенные

преобразования. Сократилось количество спецпоселков, они переходят на положение трудпоселков (сельхозартелей) и в дальнейшем почти ничем не отличаются от колхозов. В 1938-1940 гг. резко сокращается общая численность бывших раскулаченных. Но в послевоенный период затем количество спецконтингента увеличивается за счет депортированных. До 3000 чел. увеличивается количество заключенных ИТК. В 1944-45 гг. в Ухте существовала колония для малолетних правонарушителей. В 1937-1938 гг. открылись 2 лесозаготовительных, железнодорожный и 2 добывающих ИТЛ. В 1940-1942 гг. к ним добавились еще 2 железнодорожных и 2 добывающих лагеря. Процессы организации этих структур, их композиции, основные этапы развития были системно-сходными на фиксированных уровнях членения. В качестве обобщенного критерия сходства можно указать принудительный характер труда всех категорий репрессированных. Главным критерием сходства был режимный характер всех структур принудительного труда.

В 1948-1956 гг. после ряда реорганизаций, среди которых важнейшее значение имело создание Особых лагерей, лагерно-производственный комплекс в Коми АССР приобрел строго дифференцированный и разветвленный характер. Слияние в 1950 г. двух железнодорожных лагерей в один связало Усть-Вымский, Ухто-Ижемский, Интинский и Воркутинский лагеря в единое целое. На базе Усть-Вымского и Печорского ИТЛ возникает на короткое время Особый лагерь № 12 (Водораздельный) лесозаготовительного профиля, а затем структуры «Косланспецлеса» и «Устьвымспецлеса». Контингенты заключенных принимают участие в строительстве железных дорог Айкшно-Кослан и Айкшно-Сыктывкар, что имело важное значение для начала подготовительных работ на стройплощадке Сыктывкарского ЛПК.

Третья глава (*«Численность и состав спецконтингента»*) содержит анализ общей численности репрессированных по категориям (пригодность к труду, по учету, видам режима и т.д.). Отмечается два взаимосвязанных процесса – быстрый рост количества заключенных и спецконтингента и усложнение социальной картины ГУЛАГа.

Если в 1929-1938 гг. численность заключенных в Северных ИТЛ увеличилась с 2425 до 115242 чел., т.е. почти в 45 раз, то в 1934-36 гг. она стабилизировалась на отметке 22-23 тыс. чел., а затем резко возросла в 1937-38 гг., что совпало с усилением репрессий в стране и реорганизацией Ухтпечлага. Социальный состав определялся явным преобладанием крестьян. В 1929-1934 гг.

на втором месте стояли мещане, затем дворяне, священники и рабочие. В 1934-1938 гг. стремительно увеличивается количество служащих и рабочих. По срокам заключения в 1929-34 гг. преобладали осужденные на 3-5 лет, а с 1934 по 1938 гг. – от 5 до 10 лет. Практически во всех пяти известных нам лагерных структурах преобладали осужденные по 58-й статье УК РСФСР, но в 1929-1934 гг. значительная часть заключенных (политических, уголовных и «бытовых») состояла из раскулаченных крестьян. По возрасту преобладала группа от 60 до 30 лет (около 60% списочного состава). Заключенные в возрасте от 30 до 20 лет составляли около 25-30% списочного состава лагподразделений. По национальному составу преобладали русские (85-90%), затем шли украинцы, белорусы, татары, немцы и др. Женщины составляли около 10% списочного состава лагерей.

Если сравнить динамику списочного состава заключенных Северных лагерей с общесоюзными показателями, то мы увидим, что стабилизация 1934-36 гг. не совпадает с общей картиной, когда по всей стране вплоть до 1936 г. шел рост числа заключенных ИТЛ, а стабилизация списочного состава падает на 1936-38 гг. Резкий рост числа заключенных конца 1937-1938 гг. в целом по стране коррелирует с ростом и в Коми АССР. Вторая особенность заключалась в постоянном преобладании численности политзаключенных над уголовниками, тогда как по стране ситуация была обратной (за исключением 1946-47 гг.). Пик роста численности политзаключенных приходился на 1937-38, 1946-47 и 1949 годы.

Процессы изменений списочного и категорийного состава в лагерях, дислоцированных на территории Коми АССР в 1938-1948 гг., были напрямую связаны с репрессивной политикой государства в 1937-38, 1940-41, 1945-1948 и 1951-1953 гг. как внутри страны, так и за ее пределами. Принятые в этот период законодательные и нормативные документы не могли в полном объеме учесть происходившие перемены и предостеречь нежелательные с точки зрения власти эксцессы. Хозяйственные задачи, которые приходилось решать лагерным администрациям, зачастую приходили в противоречие с устаревшими инструкциями и сложившимися за десятилетия стереотипами в отношении заключенных.

Это хорошо видно на примере Ухто-Ижемского, Воркутинского и Интинского лагерей. С другой стороны, преобладание в составе «контингента» политзаключенных, среди которых были тысячи представителей инженерно-технической и гуманитарной интеллигенции, создавало Северным лагерям особую ауру, оказывало сильное воздействие на умы и сознание людей по обе сто-

роны колючей проволоки. Ансамбли песни и танца, клубы художественной самодеятельности, театры и художественные мастерские, научно-исследовательские лаборатории и центры внесли в создание этой ауры неповторимые и своеобразные черты лагерной субкультуры. Не случайно поэтому мы наблюдаем то разнообразие форм и методов активного и пассивного сопротивления, центрами которого были Ухтинские, Воркутинские и Интинские лагеря.

Четвертая глава посвящена судьбам иностранцев-заключенных и спецпоселенцев в Коми крае в 1930-1950-е гг. Изучение архивных и мемуарных источников, касающихся судьбы иностранцев, попавших по разным причинам (а иногда и без видимых причин) в красное колесо ГУЛАГа и УПВИ (Управления по делам военнопленных и интернированных) и оказавшихся в северных лагерях и спецпоселениях, подводит к выводу о том, что для сталинского режима не было существенной разницы между советскими гражданами и иностранцами. Если в отношении какого-либо человека (вне времени и пространства) имелись основания для ареста и превращения в лагерную пыль, национальная принадлежность не играла никакой роли. Повсюду в мире, где были агенты Кремля, они выполняли свои функции, не считаясь ни с нормами международного, ни с нормами национальной права - похищали людей, пытали, убивали, депортировали - после чего тщательно заметали следы.

Доля иностранцев в северных лагерях была все время заметно выше, чем в других регионах бывшего СССР. Видимо, можно говорить о традиции, которая пошла с Соловецкого и Беломор-Балтийского лагерей. Считалось, что климатические условия, каторжный труд, отдаленность и изолированность этих мест сами по себе гарантировали соблюдение тайны - даже такой постыдной, как содержание в лагерях американцев, англичан и французов, поляков и сербов, чехов и бельгийцев - граждан тех стран, которые формально считались союзниками СССР в войне против фашистов.

Заметно также, что большинство иностранцев были осуждены по 58-й статье, как правило, по 58-6 (шпионаж), 58-10, 58-11, 58-1а и 58-1б. Лишь военнопленные Германии, Японии, Италии, Финляндии получали уголовные статьи как военные преступники по Указу 1943 г. Судьбы иностранцев складывались трагичнее, чем остальных заключенных северных лагерей. Даже порядок их освобождения был более громоздким, чем у граждан СССР. Правительства Франции, Италии, Испании, Болгарии не проявляли

достаточной настойчивости в вопросах освобождения своих граждан, вполне резонно опасаясь гнева со стороны кремлевских властей. Судьба Рауля Валленберга тому яркий пример и доказательство.

Основные выводы проведенного исследования заключаются в следующем. Установлено, что основные этапы изучения системы ГУЛАГа совпадают в главном и основном с периодами становления, расцвета и упадка советского тоталитаризма. Это совпадение не является случайным, поскольку данная система была конкретным воплощением принципа тоталитаризма, реализованного в милитаризации социально-экономической жизни и экспансии. Милитаризация требовала использования принудительного труда в самых широких пределах и самых разных формах.

Каждый из выделенных нами четырех этапов изучения проблемы истории Северных лагерей связан с личным вкладом конкретных исследователей. Для периода 20-х гг. неocenим вклад первого профессионального историка советского тоталитаризма С.П. Мельгунова и первого узника Соловецкого лагеря, рассказавшего Западу правду о Северных лагерях, С.А.Мальсагова. Для периода 30-х–50-х гг. первостепенное значение имели книга М.М. Розанова «Завоеватели белых пятен», в которой содержались подлинники и копии документов Ухтпечлага, лагерного делопроизводства, нормирования труда и питания, бухгалтерского учета, хозяйственной деятельности - первая публикация документов о внутренней жизни лагеря, которая расширила документальную базу исследований (правда, пока еще весьма узкую и ограниченную), а также монография Яковлева Б.А.(Троицкого), в которой раскрыты правовые и административно-организационные аспекты системы принудительного труда в СССР, сделана первая попытка периодизации истории функционирования лагерной системы, проанализирована структура управления лагерями, содержится краткая характеристика наиболее важных лагерных комплексов.

Для периода 60-80-х гг. кардинальное значение имели работы А.И.Солженицына, Р.А.Медведева и Н.Верта. Историки В.Н.Земсков, Н.Ф.Бугай, Н.А.Ивницкий, В.П.Данилов начали массированную публикацию неизвестных ранее архивных документов о деятельности репрессивных органов в рамках бывшего СССР (особенно ГУЛАГа), о численности и качественном составе различных категорий репрессированных, спецсылке, раскулачивании и депортациях народов.

Для периода 90-х гг. характерен переход к изучению проблем истории репрессивной политики и ГУЛАГа в общероссийском

масштабе и выявлению специфики СЛС в российских регионах (труды Л.И.Гвоздковой, В.М.Кириллова, В.П.Мотревич, А.С.Смыкалина, и др.).

Анализ источников показывает, что по сравнению с другими регионами (Москва, Санкт-Петербург, Урал, Сибирь) источниковая база для реконструкции процессов становления и функционирования лагерной системы в Коми АССР имеет существенные преимущества. В государственных и ведомственных архивах Республики Коми сохранились уникальные комплексы документов, позволяющие провести серьезное исследование лагерной системы в нашем регионе.

Проблема периодизации изучаемого феномена. Становление, развитие и стагнация лагерной системы в Коми крае подчинялись общему ритму функционирования советского тоталитаризма. Автор предложил собственную периодизацию истории лагерной системы в Коми крае, исходя из следующих критериев:

- 1) изменения в численности и составе заключенных
- 2) изменения в количестве и дислокации структур ГУЛАГа в регионе
- 3) изменения в организационной структуре лагерной системы
- 4) изменения в хозяйственно-производственной деятельности лагерей.

Система лагерей и мест спецпоселений в нашем регионе пережила этапы организационного становления (1929-1938 гг.), реорганизации (1938-1941 и 1942-1948 гг.), усиления дифференциации (1948-1953 гг.) и демонтажа (1953-1956 гг.). В 1930-х - 1940-х годах она приобрела законченный вид, в 1941-1953 гг. сложился лагерно-производственный комплекс в базовых отраслях промышленности Коми АССР, с 1953 г. она вступила в период стагнации, а к середине 50-х гг. была поэтапно демонтирована.

Для первого этапа были характерны процессы перехода от исправительно-трудовых колоний к лагерям. Вплоть до 1938 г. доминирующие позиции занимали лагеря Северного управления лагерей особого назначения ОГПУ (строительство железной дороги Пинюг-Сыктывкар) и Ухто-Печорский лагерь, широко использовавшие подневольный труд заключенных и спецпереселенцев-раскулаченных. Хозяйственно-производственная деятельность этих лагерных структур была ориентирована главным образом на Архангельск и Москву. Характерная быстрая экспансия лагерных подразделений в северные районы Коми АССР, в то время как южные районы были плотно заселены спецпереселенцами. С октября 1937 г. в Северные лагеря стали прибывать осужденные на сроки 15, 20 и 25 лет.

В 1938 г. произошло разукрупнение Ухто-Печорского лагеря на 4 самостоятельных структуры – Северный железнодорожный строительный, Усть-Вымский лесозаготовительный, Воркуто-Печорский (добыча угля) и Ухто-Ижемский (добыча радия, асфальтитов, нефти и газа). Параллельно в 1937-1940 гг. существовал Локчимский лесозаготовительный лагерь. Была предпринята попытка выделить сельскохозяйственные предприятия Воркуто-Печорских лагерей в самостоятельную единицу – «Райсельхозлаг».

Второй этап распадается на два периода – 1938-1941 гг. и 1942-1948 гг. Для первого из них характерны реорганизации управления хозяйственно-производственной деятельностью лагерей. Так, по приказу ГУЛАГа от 01.10.1936 г. началась реорганизация Ухто-Печорского лагеря. Вместо лагподразделений-промыслов вводились лаготделения по добыче полезных ископаемых, разведке, строительству и транспорту, а также сельскохозяйственные. Реорганизация сопровождалась репрессиями по отношению к политзаключенным (участниками первой в истории ГУЛАГа забастовки протеста), массовыми расстрелами весны 1938 г. («Кашкетинские расстрелы»), репрессиями управленческого аппарата лагеря Ухто-Печорский и Северо-Печорский лагеря). В результате репрессий численность политзаключенных резко сокращается и впервые с 1929 г. число уголовников превышает число политических.

Меняется подчиненность некоторых лагерных структур главам ГУЛАГа в Москве. В 1940 г. был закрыт Локчимский лесозаготовительный лагерь с лимитом наполнения 25 тыс. заключенных – один из самых страшных лагерей на территории Коми АССР. Есть основания считать его в отличие от других лагерем быстрого уничтожения политзаключенных набора 1936-1938 гг. 28 декабря 1941 г. выполнил свою задачу Печорский железнодорожный лагерь – была построена трасса Котлас-Воркута. Сразу же был создан Заполярный лагерь для продолжения трассы от Воркуты до побережья Северного Ледовитого океана. Серьезной реорганизации подвергся в 1941-42 гг. Усть-Вымский ИТЛ – он сменил дислокацию и профиль хозяйственной деятельности.

В 1938-начале 1939 гг. были упорядочены отношения лагерей с местными органами власти и управления. Это касалось трех аспектов – взаимоотношения колхозов с лагподразделениями по поводу отвода земельных участков под хозяйственные нужды последних, взаимоотношений райисполкомов с управлениями лагерей по поводу территорий, занимаемых лагерями в поселках, взаимоотношений по поводу экстерриториальности лагерных структур (главным образом с соседней Архангельской областью).

В 1940-41 гг. в Коми АССР прибывают репрессированные поляки, а также депортированные граждане Литвы, которые заметно изменили этнический состав репрессированных. Так, в Ухто-Ижемском лагере поляки и литовцы составляли до 40 процентов списочного состава. В августе 1941 г. большинство поляков по амнистии были освобождены и ушли на юг страны в армию Андерса.

Второй период этого этапа связан с первым в истории ГУЛАГа восстанием заключенных лагпункта «Лесорейд» Воркутлага зимой 1942 г., которое было ответом на резкое ухудшение положения заключенных и высокую смертность, а также на ужесточение репрессий в лагерях. Массовые депортации 1943-1944 гг., а затем 1945-1948 гг. (как следствие советизации западных территорий) привели к новому изменению этнической картины заключенных. Русские уступают по численности украинцам, литовцам, латышам и эстонцам в Воркутлаге и некоторых других лагерях.

В диссертации отмечается усложнение социального состава лагерей за счет советских немцев, окруженцев, пособников оккупантов, представителей депортированных народов. Около 100 тыс. осужденных уходят в действующую армию, а поскольку это были в большинстве уголовники, соотношение политических и блатных опять восстанавливается в пользу первых. Более того, уголовный мир раскалывается на воров в законе и ссучившихся, в результате нарастает внутренняя напряженность внутри лагерной системы.

Параллельно в 1941-1948 гг. шел процесс складывания лагерно-производственного комплекса в ведущих отраслях промышленности Коми АССР – добывающей и лесной. От простого соуществования предприятий, находившихся в ведении НКВД-МВД СССР постепенно стал осуществляться переход к максимально эффективному сочетанию («комбинированию») предприятий одной или нескольких отраслей специализации, использующих производственную и социальную инфраструктуру региона. Так возникли Ухтинский комбинат, комбинаты «Воркутуголь» и «Интауголь».

Лагерь стали «несущими конструкциями» растущих экономических районов Коми АССР – Ухто-Печорского, Верхне-Печорского, Печоро-Усинского, Воркута-Интинского и Сыктывкарского, за пределами их влияния оставались лишь Южный и Ижмо-Печорский экономические районы. Слияние в 1950 г. двух железнодорожных лагерей в один связало Усть-Вымский, Ухто-Ижемский, Интинский и Воркутинский лагеря в единое целое. Мы показали, что лагеря были градообразующими факторами процесса урбанизации в Коми АССР. В послевоенный период

апогея достигает общая численность заключенных, по параллельно развертывается очередной кризис системы ГУЛАГа, его уродливые стороны приобретают все более гипертрофированный характер, нарастает внутренняя напряженность, обостряется проблема "рентабельности" лагерного производства.

Выход из кризиса системы ИТЛ намечился в 1948-49 гг., когда произошло углубление дифференциации лагподразделений по видам режима и профилю хозяйственной деятельности. В июле 1949 г. утверждается новое Положение о ГУЛАГе СССР.

Третий этап открывается созданием двух Особых лагерей – Речного на Воркуте и Минерального в Инте. В 1952 г. к ним добавляется лесозаготовительный Водораздельный лагерь в Усть-Вымском районе Коми АССР (станция Микунь). Специфика Особых лагерей заключалась в более строгом режиме содержания заключенных, абсолютном преобладании политических в составе спецконтингента. Отмечено также улучшение положения заключенных в 1947-1954 гг. Этот период связан также с обострением всех противоречий системы ГУЛАГа, массовыми забастовками, восстаниями и другими акциями протеста заключенных. В Коми АССР это были восстание заключенных Северного управления лагерей железнодорожного строительства в районе станций Полярный Урал – Чум осенью 1948 г., восстание заключенных Речлага и Воркутлага осенью 1953 г., массовые забастовки в Минлаге, Усть-Вымлаге и Печорлаге. Столкнувшись с массовым сопротивлением политзаключенных, руководство ГУЛАГа и политическое руководство страны в какой-то степени осознало всю бесперспективность лагерной системы и системы принудительного труда вообще. Смерть диктатора закрывает третий этап и открывает четвертый этап существования лагерей.

На четвертом этапе происходит быстрая деградация лагерно-производственного комплекса, свертывание уже начатых проектов, передача партийных организаций лагерей в территориальные партийные организации, а также переподчинение лагерно-производственного комплекса гражданским министерствам и ведомствам. Ликвидируются лагеря, освобождаются из заключения сотни тысяч людей, начинают работать комиссии по пересмотру уголовных дел политзаключенных, начинается первый этап реабилитации жертв коммунистического террора. Наконец, в 1956 г. официально было заявлено о несостоятельности лагерной системы и сам термин «лагерь» был заменен термином «колония».

В ходе изучения источников и литературы выяснилось, что лагерные структуры в Коми крае создавались по инициативе мест-

ных властей, заинтересованных в максимально быстром изучении и освоении запасов полезных ископаемых, использовании лесных и водных ресурсов с целью выполнения и перевыполнения плановых заданий сталинских пятилеток индустриализации страны. Лагпункты создавались на угольных, нефтяных и газовых месторождениях, вокруг которых постепенно выстраивались элементы инфраструктуры (командировки, подкомандировки, пересыльные пункты, сельхозы, инвалидные лагпункты, вспомогательные предприятия, мастерские, тракты, железные дороги, электростанции и т.п.). Именно эти лагпункты (а затем лаготделения) становились ядрами будущих поселков и городов (Микушь, Железнодорожный, Вожаель, Ухта, Кожва, Печора, Инта, Воркута). Градообразующая роль крупных лагерных структур в 30-50-е гг. дополнялась соответствующими изменениями административно-территориального устройства Коми края.

Вдоль построенных железных дорог и в отдаленных лесных массивах создавались ожерелья лагспецпоселений, возникали сложные технологии решения проблем взаимоотношений между лагерями, спецпоселками и местными властями. Как Екатерина 11 приписывала крепостных крестьян к мануфактурам и заводам, так и большевики в 1931-38 гг. приписывали спецпоселки раскулаченных крестьян к лагерям, используя их как инфраструктуру снабжения продуктами питания лагерного населения и как источник дешевой рабочей силы. Одновременно создаются «сельхозы» лагерей с теми же целями. Иногда спецпоселкам присваивался статус «совхоза» (п.Новый Бор Усть-Цилемского района). Но чаще всего (особенно в годы войны) создавались сельскохозяйственные лаготделения и лагпункты для обслуживания собственно лагерей (воркутинский «Райсельхозлаг») и совхозов Коми АССР (рабочая сила Котласского сельскохозяйственного ИТЛ с 1.03.1942 г. обслуживала совхоз им. 10-летия Коми АССР и Мутницкий совхоз № 5 Летского р-на Коми АССР).

Важным аспектом изучаемой темы является исследование списочного и категорийного состава заключенных Северных лагерей. Списочный состав характеризовал соответствие фактической численности заключенных установленному ГУЛАГом лимиту наполнения ИТЛ. Особенно тщательно за списочным составом следили финансовые отделы и бухгалтерии лагерей. В каждом годовом бухгалтерском отчете мы находим отдельную строку «списочный состав» (обычно на 1 января или на 30 декабря). Строевые записки списочного состава вели особые (оперчестиские отделы). Поквартальный учет движения списочного состава

вели учетно-распределительные части (отделы). Кроме того, сап-отделы лагерей обязательно содержали данные о списочном составе, которые составлялись с санитарной статистикой (заболеваемость, смертность, рождаемость).

Категорийный состав учитывал категории заключенных по статьям УК РСФСР, по «окраске учета» оперчекнистских отделов, по категориям пригодности к труду (медкомиссии сап-отделов лагерей), по видам режима, этническому, религиозному, земляческому и иным признакам.

В результате изучения источников мы установили, что в 1929-1938 гг. общая численность заключенных Северных ИТЛ увеличилась с 2425 до 115242 чел., т.е. почти в 45 раз. В 1934-36 гг. она остановилась на отметке 22-23 тыс. чел., а затем резко возросла в 1937-38 гг., что совпало с усилением репрессий в стране и реорганизацией Ухтпечлага. Социальный состав заключенных характеризовался явным преобладанием крестьян. В 1929-1934 гг. на втором месте стояли мещане, затем дворяне, священники и рабочие. В 1934-1938 гг. стремительно увеличивается количество служащих и рабочих. По срокам заключения в 1929-34 гг. преобладали осужденные на 3-5 лет, а с 1934 по 1938 гг. — от 5 до 10 лет. В списочном составе преобладали осужденные по 58-й статье УК РСФСР. По возрасту преобладала группа от 60 до 30 лет (около 60% списочного состава). Заключенные в возрасте от 30 до 20 лет составляли около 25-30% списочного состава лагподразделений. По национальному составу преобладали русские (85-90%), затем шли украинцы, белорусы, татары, немцы и др. Женщины составляли около 10% списочного состава лагерей.

Спецификой системы лагерей, колоний и спецпоселений в Коми крае было использование комбинированных форм эксплуатации подневольного труда. В Северном комбинате ОГПУ (1934-36 гг.) и «Спецжестрестрое» НКВД СССР (1941-46 гг.) применялся труд заключенных, спецпереселенцев, спецпоселенцев, депортированных, трудармейцев и «спецконтингента», а также местных жителей на условиях вольного пайма или мобилизаций.

Если сравнить динамику списочного состава заключенных Северных лагерей с общесоюзными показателями, то мы увидим, что стабилизация 1934-36 гг. не совпадает с общей картиной, когда по всей стране вплоть до 1936 г. шел рост числа заключенных ИТЛ, а стабилизация списочного состава падает на 1936-38 гг. Резкий рост числа заключенных конца 1937-1938 гг. в целом по стране коррелирует с ростом и в Коми АССР. Вторая особенность заключалась в постоянном преобладании численности по-

литзаклоченных над уголовниками, тогда как по стране ситуация была обратной (за исключением 1946-47 гг.). Пик роста численности политзаклоченных в регионе приходился на 1937-38, 1946-47 и 1949 годы.

Лагерный мир складывался из множества групп, слоев и прослоек. В составе Ухтинской экспедиции ОГПУ 1929-31 гг. мы видим вольнонаемных, ссыльных, политзаклоченных, криминальный элемент, подследственных. В 1932-34 гг. заметно увеличение численности заклоченных из числа раскулаченных крестьян и репрессированных по политическим мотивам священнослужителей, монахов, служащих и интеллигентов (последние – из «кировского потока»). В 1935-38 гг. появляется особая категория лагерного населения – ЧСИР, особую группу составляют репрессированные коммунисты (советские и зарубежные). В 1939-1940 гг. в лагерях Коми АССР оказались несколько десятков тысяч поляков, а в 1941 г. к ним добавляются репрессированные (ссыльные и заклоченные) литовцы, латыши, эстонцы, западные украинцы и молдаване, белорусы. На короткий срок в 1940-41 гг. появляется совершенно новая категория «интернированных» поляков (по существу военнопленных солдат и офицеров Польской армии). В январе 1941 г. из депортированных советских немцев в Северных лагерях создаются рабочие колонны немцев-трудмобилизованных. Кроме немцев, в эту категорию околалагерного населения попадали также корейцы, русские и украинцы, белорусы и калмыки, представители многих других наций и народностей СССР. Услоложение национального состава заклоченных и спецконтингента создавало серьезные проблемы для лагадминистраций.

Большой научный интерес представляет также анализ качественного состава заклоченных как источника дешевой рабочей силы. Категории пригодности/непригодности к труду устанавливались достаточно произвольно, все зависело от уровня требований начальников лагпунктов и моральных качеств членов медицинских комиссий. Подавляющее большинство политзаклоченных по прибытии в лагерь получали категорию ТФТ, поскольку в личных делах они имели отметку оперчекистского отдела «Использовать только на общих работах». Категория СФТ и ЛФТ присваивалась в большинстве случаев бытовикам и уголовникам, и только в редких случаях – политическим. Анализ распределения заклоченных по категориям труда показал общую тенденцию постоянного ухудшения физического состояния заклоченных (уменьшение категории ТФТ и увеличение численности инвалидов). Примерно одинаковый уровень трудового использования

контингента поддерживался только за счет поступления новых этапов. Внутрилагерные переброски были обычным делом, перетасовывание списочного состава диктовалось не столько производственными, сколько режимными соображениями. Отмечена масса фактов прямого использования одних категорий заключенных против других (уголовников против политических, бытовиков против блатных, воров в законе против «ссучившихся» и т.д.).

С другой стороны, преобладание в составе «контингента» политзаключенных, среди которых были тысячи представителей инженерно-технической и гуманитарной интеллигенции, тысячи иностранцев, создавало Северным лагерям особую ауру, оказывало сильное воздействие на умы и сознание людей по обе стороны колючей проволоки. Ансамбли песни и танца, клубы художественной самодеятельности, театры и художественные мастерские, научно-исследовательские лаборатории и центры внесли в создание этой ауры лагерной субкультуры неповторимые и своеобразные черты. Не случайно поэтому мы наблюдаем то разнообразие форм и методов активного и пассивного сопротивления, центрами которого были Воркутинские и Интинские особые лагеря.

Процесс перемещения огромных масс осужденных в лагеря, расположенные в отдаленных районах страны, будучи составной частью насильственных репрессивных и профилактических методов становления и упрочения советского тоталитаризма, привел к далеко идущим последствиям. Повсеместно и фактически синхронно он привел к необратимым переменам в социально-демографической ситуации, разрушил морально-этические традиции народов России, развратил умы и сознание людей по обе стороны колючей проволоки зон, привел к отчуждению людей от средств производства и друг от друга, нанес непоправимый ущерб живой природе.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

1. ГУЛАГ в Коми крае: взгляд историка // Печальная при-
стань. Сыктывкар: Коми книжное изд-во. 1991. С.5-18. 2,0 п.л.

2. Два подхода к духовности: Сахаров и Солженицын // Ду-
ховная культура - история и традиции. Тезисы докладов. Сык-
тывкар. 1991. 0,5 п.л.

3. Начальный период освоения Интинского месторождения // Вестник культуры Коми АССР. Сыктывкар. 1991. N 4. С.9-12. 0,5 п.л.

4. Из истории Усть-Вымского исправительно-трудового лаге-
ря НКВД СССР (1938-1941) // Краеведческие чтения. Айкино.
1992.С.59-61. 0,1 п.л.

5. Краеведческие чтения. Сб. тезисов. Айкино. 1992. (сored.).
1,0 п.л.

6. Проблемы истории репрессивной политики на Европейском
Севере России. 1917-1956. Сб. тезисов докладов. Ответ. ред. Сык-
тывкар: СГУ. 1993. 96 С. 5,5 п.л.

7. Воспоминания иностранцев-узников ГУЛАГа как историче-
ский источник // Проблемы истории репрессивной политики на
Европейском Севере России. 1917-1956. Сб. тезисов докладов.
Сыктывкар: СГУ, 1993, с. 48-50. 0,5 п.л.

8. Семиотические аспекты лагерной жизни // там же, стр. 51-53.
0,5 п.л.

9. Лагеря НКВД в Коми АССР в годы войны // Республика
Коми к 50 - летию победы в Великой Отечественной войне.
Сб.док-тов и мат-ов. Сыктывкар, 1995. С.66-70. 0,5 п.л.

10. Польские граждане в лагерях Коми АССР // Поляки в Рос-
сии. История ссылки и депортаций. Мат-лы междунар. науч.
конф. СПб., 1995. С.25-28. 0,5 п.л. (в соавт.)

11. Из истории репрессивной политики в Коми крае // История
Коми края в док. и материалах. Хрестоматия. Ч.11. Сыктывкар.
1995. 0,5 п.л.

12. ГУЛАГ в Коми АССР (30-50-е гг.) // Отечественная исто-
рия. М.,1995, N 2. С.182-187. 1,0 п.л. (в соавт.).

13. Сопротивление в Особых лагерях Коми АССР (1953-1955
гг.) // Карта. Рязань. 1995. N12. С.26-27. 0,5 п.л.

14. Многонациональный ГУЛАГ // Жизнь национальностей.
М., 1996. N4. С.36-39. 1,0 п.л. (в соавт.)

15. Интернационал ГУЛАГа в Коми // Родники Пармы. Науч-
но - попул. сборник. Вып. 1У. Сыктывкар, 1996. С.201-210. 1.0 п.л.

16. Земля за колючей проволокой // Памятник Отечества. М., 1996. №36. С.184-185. 0,5 п.л. (в соавт.)
17. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. Сыктывкар: Сыктывкарский университет. 1997. Научная монография. 11,0 п.л.
18. Воркутлаг // Республика Коми. Энциклопедия. Т.1. Сыктывкар: Коми книжное изд-во. 1997. С.324-325. 0,5 п.л.
19. ГУЛАГ // Республика Коми. Энциклопедия. Т.1. Сыктывкар: Коми книжное изд-во. 1997. С.385-386. 0,5 п.л.
20. ГУЛАГ в Коми крае // Историко-культурный атлас Республики Коми. М.: изд. дом ДРОФА; изд-во ДИК. 1997. С.130-131. 0,5 п.л.
21. Воркутлаг // Там же. С.132-133. 0,5 п.л.
22. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1941 гг. Карта // Там же. С.131. 0,1 п.л.
23. ГУЛАГ в Коми крае. 1945-1955 гг. Карта // Там же. С. 132. 0,1 п.л.
24. К вопросу о численности жертв геноцида. Исследование // КАРТА. Рязань. 1997. №19-20. С.73-75. 0,5 п.л.
25. Рецензия на книгу А.Шеренаса «Воркутские лагеря смерти» // Там же. С. 79-80. 0,1 п.л.
26. Военнопленные в лагерях // Немцы в Республике Коми (страницы истории репрессивной политики первой половины XX века). Сыктывкар, 1997. С.23-26. 0,5 п.л.
27. Украинцы и украинские культурные общества в РК // Штрихи этнополитического развития РК. Очерки. Док-ты. Материалы. Т.11. М.,1997. С. 32-38. 0,5 п.л.
28. Понимание духовности у Р.И. Пименова и А.Д.Сахарова // Общее дело. Сыктывкар. 1997. №2. С.65-68. 1,0 п.л.
29. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948-1954 годы). Сыктывкар: Сыктывкарский университет. 1998. Научная монография. 9,0 п.л.
30. Литовский француз Ионас Брукялис – солдат Армии Крайовой // КАРТА. Рязань. 1998. №21. С.53. 0,1 п.л.
31. Истребительно-трудовые годы // Покаяние. Матриолог. Т.1 / Составитель Г.В.Невский. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1998, с.15-237. 14,0 п.л.
32. Многонациональный ГУЛАГ // там же, с.340-419. 4,0 п.л.
33. Сопротивление в ГУЛАГе // там же, с.551-559. 0,5 п.л.
34. Сопротивление в Особых лагерях Коми АССР (1948-1955 гг.) // Тоталитаризм в России (СССР) 1917-1991. Оппозиция и репрессии. Материалы научно-практической конференции. Пермь, 1998. С.66-68. 0,5 п.л.

35. Поисковая работа Сыктывкарского общества «Мемориал» в 1995-98 гг. // Вузовская наука – экономике, производству, образованию. Тезисы докладов научной конференции. Сыктывкар, 1999. С. 8-9. 0,1 п.л.

36. Поляки в Коми крае // Sybyriaky. Warszawa. 1992. Marzec. Str.23. 0,5 п.л. (в соавт.)

37. О поисках французов-узников ГУЛАГа в Коми // WEST & EAST. Paris, 1992. № 101. Juin. P.25. 0,1 п.л.

ИПО СГУ. Зак. С -**462**. Тир. **120** экз.